

Четыре автобиографических романа Бориса Зайцева: "Заря", "Тишина", "Юность" и "Древо жизни" (первому автор предположил объединяющее название "Путешествие Глеба"), — стали наконец доступны читателям в России... Своеобразная картина русской жизни конца

ХІХ — первой трети ХХ века, написанная автором, сразу увлекает читателя своей непринужденностью и простотой. Первые три части рисуют жизнь главного героя до роковых событий 1917 года, четвертая с почти документальной точностью освещает жизнь семьи Зайцева (сиречь Глеба) вплоть до 1935 года. В беседе с С.Крыжичким, запись которой была помещена в 150-м номере "Нового журнала", Борис Зайцев отмечал: "...слишком вещь эта со мной связана, может быть, постороннему человеку она вовсе неинтересна".

"Сильный биографический оттенок" "Путешествия Глеба" требовал от издателей очень серьезной подготовительной работы, задача которой — максимально облегчить знакомство с публикуемым текстом, в первую очередь тем, кто не знаком с биографией (увы, до сих пор не написанной) и творчеством автора...

Во вступительной статье А.Черников старается дать канву творческой биографии Зайцева. Он подробно говорит о ранних произведениях — рассказах, повестях, романе "Дальний край", — о "чертах эстетического аскетизма, мотивах органического единства человека и природы, тихом свете лиризма", присущих довоенной прозе Зайцева. Из 25 страниц статьи лишь три посвящены непосредственно "Путешествию Глеба", вернее, пересказу содержания четырех томов. Об истории создания книг, о прототипах героев, об отзывах современников — ни слова.

Важнейший, по утверждению самого Зайцева, этап его творчества приходится на жизнь в эмиграции. Но почти пятидесяти годам творчества отведено в статье чуть больше четырех страниц. Автор, по-видимому, слабо знаком с работами писателя этих лет. Иначе не утверждал бы, что роман "Дом в Пасси" — "история жизни обитателя одного дома во французском городке Пасси". Роман же этот — история жизни многих, совершенно равноправных обитателей дома в парижском районе Пасси. Главного героя в романе нет, как нет, в общем, и четкого сюжета. (Добавим также, что "Валаам" напечатан в 1936 году, Сент-Женевьев де Буа — это город близ Парижа, а именование Н.Тэффи "титаном слова" развеселило бы, полагаем, писательницу, подробно рассказавшую о своем бегстве из "страшн. героев", титанов мысли и новых богов...)

Рассказ "Атлантида", давший название всему тому, "повествуя" о последнем годе учебы будущего писателя в Калужском реальном училище и, очевидно, поэтому, по замыслу составителя, предваряет публикацию "Путешествия Глеба". Слово "тетралогия"

Автобиографическая тетралогия Бориса Зайцева

вынесено на шмуцтитул — в заглавие, чего нет ни в прижизненных изданиях, ни в рукописях. Примечания (названные почему-то комментариями) слишком кратки; приводятся переводы далеко не всех иностранных слов. Нелегко, конечно, найти сведения о монастыре Святой Анны,

расположенном над лигурийской деревушкой Кази, где подолгу жил Зайцев. Но как можно было пройти мимо любимых писателем Бернардино Луини, Луки делла Роббиа или Озанама и "доктора в Дорнахе"? Вместо этого читателя извещают о роде занятий Еврипида, Ж.Верна, Майн Рида, Диккенса, Марата. "Бароло" (отчего-то превратившееся в русской транскрипции в "барало") — не "итальянское блюдо", а вино, и т.д.

Составитель предельно невнимательно прочел книгу Зайцева. Пример тому — примечание к словам героини романа "Юность": "Он про мозаики Кахрие-Джами страшно занятно рассказывает". Вроде бы всякому понятно, что речь идет о константинопольской базилике V-VI вв., превращенной в мечеть между 1495 и 1511 годами Атик-Али-пашой, великим визирем Баязета II, и о византийских мозаиках и фресках, частью восходящих к VI веку, первоначально раскрытых Лешевалье в 1785 году и с той поры продолжающих удивлять весь мир своим совершенством. Составительница примечаний Н.Лаврентьева переписывает несколько слов из 2-го тома "Краткой литературной энциклопедии" о... средневековом поэте Абдурахмане Джами, присвоив ему заодно новое имя.

Работа корректора заслуживает еще более суровой оценки: множество опечаток, потеряны при верстке некоторые строки, а также часть знаков препинания и союзов, что иногда изменяет смысл написанного (например, с.525, 2-я строка снизу). В книге множество выделений курсивом, отсутствующих в оригинальных изданиях.

Все вышесказанное, тем не менее, не умаляет заслуг авторского коллектива в деле популяризации наследия писателя — книга всей его жизни напечатана в любимом им городе. В Калуге к изучению творчества Зайцева относятся как нигде серьезно и любовно: проводятся ежегодные конференции, создается музей, именно в Калуге вышло небольшое, но самое серьезное на сегодняшний день исследование о жизни Б.Зайцева в России — книжка Е.Н.Зайцева "Борис Зайцев и калужский край" (изд. "Гриф", 1995).

Основная причина досадных промахов, допущенных при подготовке книги "Атлантида", — думаем, хаос и сумятица, царящие сегодня в издательском деле в России. Ведь и невозможность раздобыть удобную программу компьютерной верстки, отсутствие хорошей полиграфической базы и бумаги, туманность в вопросе финансирования книги почти любого некоммерческого издания сказываются на конечном результате общей работы. Поэтому уже само по себе появление новой книги — несомненная удача для читателей в России.

Борис Зайцев. Атлантида. Сост., подг. текста, комм. Н.И.Лаврентьевой. Вступит. статья А.П.Черникова. Калуга, 1996. 588 стр.

АЛЕКСАНДР КЛЕМЕНТЬЕВ

Париж

Русская мысль. — Париж. — 1998. — 4-10 июня. — с. 11